

С. П. РАМАЗАНОВ

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТЫ НЕОКАНТИАНСКОГО ДИСКУРСА А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО

В статье показано воздействие социальной ситуации в России середины нулевых годов XX в. на характер методологических поисков выдающегося русского историка А.С. Лаппо-Данилевского. Выявляется обусловленность своеобразия трактовки ученым неокантианской методологии истории традициями развития российской историографии и профессионализмом отечественного методолога.

Ключевые слова: исторические законы, ценность, оценка, историческое значение, понятие целого.

Переход А.С. Лаппо-Данилевского с позитивистских позиций к ориентации на базовые установки Баденской школы неокантианства происходит в середине 1900-х гг. С этого времени широко разворачиваются методологические искания Лаппо-Данилевского. Определенным итогом таких исканий явился выход в свет в 1910–1913 гг. его двухтомного труда «Методология истории», название которого дало наименование формирующейся специальной исторической дисциплине.

До середины 1900-х гг. Лаппо-Данилевский прочно стоял на позитивистских позициях, отстаивая идею о направленности исторической науки на установление законов общественного развития. Так, в речи на защите своей магистерской диссертации «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований» в 1890 г. он следующим образом определял предмет исторической науки: «всеобщая история занимается изучением норм общественного развития, общих всему человечеству»¹. А в 1902 г. в одной из своих работ историк придавал первостепенное значение общим понятиям для уяснения процесса исторического развития². В опубликованной в том же году обширной статье о социологии основоположника позитивизма О. Конта Лаппо-Данилевский отмечал, что философия французского ученого до сих пор еще не утратила своего социально-этического интереса³. По сути дела, в статье о Конте русский историк выступал не с отрицанием самих законов истории, а только с критикой необоснованности контовских ут-

¹ Лаппо-Данилевский. 1890. С.284.

² Лаппо-Данилевский. Материалы... 1902. С.88-90.

³ Лаппо-Данилевский. Основные... 1902. С. 394-395.

верждений о всеобщем значении и постоянстве социальных законов⁴. Можно согласиться с Н.И. Кареевым, который замечал, что Лаппо-Данилевский, критикуя Конта, осуждал «не научную положительность его стремлений и инициативу основания новой положительной науки, социологии, а то, что первой он не дал прочного обоснования, а ко второму приступил без обоснованных предпосылок»⁵.

Социальные потрясения в России середины 1900-х гг. активизировали политическую деятельность ученого. Он избирается в Государственный Совет во время Первой Думы, выступает против студенческих забастовок⁶. Вместе с тем, такие социальные потрясения, как представляется, оказали воздействие на обращение Лаппо-Данилевского к неокантианству с его постулатом о неизбежности абсолютных ценностей.

После 1905 года меняется оценка Лаппо-Данилевским возможностей реализации обобщающей работы в исторической науке. В «Методологии истории» он уже заявляет, что «“законов истории”», в строгом смысле слова, никому еще не удалось установить: историкам, стремящимся к открытию их, в лучшем случае приходится довольствоваться гадательными эмпирическими обобщениями»⁷.

Лаппо-Данилевский принял неокантианское понимание предмета истории как «науки о культуре»⁸. Он также в целом и разделял неокантианскую классификацию наук: «По теоретико-познавательным точкам зрения, целям познания, а не познавательным “предметам” или “процессам” познания стали различать науки обобщающие от наук индивидуализирующих. Таким образом, получился двойной ряд наук: одни из них строятся с номотетической (натуралистической) точки зрения, характеризующей естествознание в широком смысле, другие – с точки зрения идиографической (чисто «исторической»), такова история в широком смысле, т.е. история природы и человечества»⁹. По его мнению, номотетическое построение истории недостаточно как с теоретической, так и с практической точек зрения. С теоретической – поскольку оно произвольно ограничивает задачу исторической науки, не дает знания индивидуальных особенностей, играющих немаловажную роль в истории, и не устанавливает обоснованного критерия выбора конкретных исторических фактов; с практической – поскольку оно не может успешно выполнять

⁴ Там же. С. 414, 485-486.

⁵ Кареев. 1920. С. 118.

⁶ Романов. 1920. С. 185.

⁷ Лаппо-Данилевский. 1910-1913. Вып. I. С. 154-155.

⁸ Там же. Вып. II. С. 292.

⁹ Там же. Вып. I. С. 66.

воспитательную функцию, не будучи в состоянии удовлетворить наш интерес к действительности, без знания реальных условий которой человек не в состоянии поступать правильно¹⁰. А марксизм, рассматриваемый им как вариант номотетического построения, характеризовался ученым как метафизическое и противоречивое построение, отождествляющее «материю» с «духом», которое «просто перескакивает из одной области в другую», но, «в сущности, не в состоянии с чисто материалистической точки зрения установить этические предпосылки своего учения и решить поставленную проблему обновления социального строя»¹¹.

Из критического анализа номотетического построения исторического знания Лаппо-Данилевский делал заключение о «законности» идиографической точки зрения на историю¹². Он писал: «В противоположность номотетическому построению, которое все более отдаляет нас от действительности, идиографическое построение стремится возможно более приблизиться к ней: оно изучает объекты как таковые»¹³.

Таким образом, Лаппо-Данилевский проводил разграничение между целями и методами естествознания и истории. Первое, по его мнению, выбирает объекты по степени общности их содержания; история же придает значение самому объекту, поскольку он представляет особенности, именно ему свойственные, а всеобщее значение объекта в истории возрастает по мере возрастания индивидуального его характера, особенностей, отличающих его от остальных и лишаящих историка возможности заменить его другим объектом¹⁴.

Согласно Лаппо-Данилевскому, историк изучает индивидуальные события. Вместе с тем, он писал: «...Действительность слишком разнородна для того, чтобы можно было изобразить ее во всей полноте ее индивидуальных черт»¹⁵. Следовательно, замечал ученый, историк, как и естествоиспытатель, нуждается в критерии, с помощью которого он мог бы упрощать свой материал и «выбирать из многоплановой действительности то, что имеет историческое значение». Этот критерий, с его точки зрения, должен отличаться общим значением, ибо в противном случае историческое построение, произведенное на основании такого критерия, не будет принято всеми¹⁶. Для признания же всеобщего значе-

¹⁰ Там же. С. 162-165.

¹¹ Там же. С. 114, 117-118.

¹² Там же. С. 177.

¹³ Там же. С. 224.

¹⁴ Там же. С. 235.

¹⁵ Там же. С. 233.

¹⁶ Там же. С. 234.

ния факта, по Лаппо-Данилевскому, надо признать его ценность – «то значение, которое сознание вообще приписывает данному переживанию». «Нельзя не заметить, что сознание вообще осознает такие состояния, которые сами по себе имеют для нас определяющее его значение и характеризуются моментом некоего требования, предъявляемого нашим “я” к собственному сознанию; такие “ценности” имеют для нас абсолютное значение и, смотря по характеру требования, оказываются или познавательными, или этическими, или эстетическими. В зависимости, однако, от соблюдения или нарушения подобного рода требований или общезначимых норм и их характера, мы образуем понятия, имеющие положительное или противоположное ему отрицательное значение: истину, добро, красоту или ложь, зло, безобразия; мы, конечно, легко переносим понятия подобного рода на самые объекты, которые и получают в наших глазах соответствующее значение». «В таком случае, т.е. путем отнесения к ценности, – заключал он, – мы и признаем за ними положительное или отрицательное значение»¹⁷.

Таким образом, в отнесении данного факта к данной ему культурной ценности историк-ученый получает критерий для выбора из многосложной действительности: он оценивает объект путем отнесения его к культурным ценностям, как наука, нравственность и искусство, церковь и государство, социальная организация и культурный строй и т.п.¹⁸

Несомненно, будучи выдающимся исследователем и осмысливая, в отличие от немецких неокантианцев, не творчество других историков, а собственную конкретно-историческую практику, Лаппо-Данилевский не мог стать простым эпигоном теоретиков Баденской школы. При этом на методологическую концепцию русского историка не могла не оказать влияния укорененная в отечественной историографии ориентация на выявление закономерного прогрессивного развития исторического процесса в России, которая была присуща и самому Лаппо-Данилевскому в позитивистский период его творчества. Следует учесть и то, что методологическая концепция Лаппо-Данилевского формировалась на фоне обоснования Р.Ю. Виппером – пожалуй, одним из первых в мире, – релятивистской теории исторического познания.

Если немецкие неокантианцы элиминировали оценку из исторического исследования, то Лаппо-Данилевский фактически не отрицал и правомерности функционирования в историческом исследовании оценочных понятий, допуская в него категорию прогресса. Он утверждал,

¹⁷ Там же. С. 239.

¹⁸ Там же.

что история может получить «совершенно особое, самостоятельное по отношению к природе значение», только если будет рассматриваться как «постоянное осуществление некоего долженствования», считал, что историк относит к ценности саму цель индивидуального исторического развития¹⁹. «Основываясь на понятии о значении данной цели для результата, – писал методолог, – историк судит и о степени прогрессивности или регрессивности данной эволюционной серии или ее частей, смотря по тому, реализуется ли в данном ряде фактов какая-либо <...> ценность или, напротив, она постепенно сходит на нет»²⁰. Он отмечал при этом, что понятие прогресса образуется «не без некоторого субъективизма», но такое его замечание было направлено не столько на дискредитацию идеи прогресса в истории, сколько служило задаче предостеречь историка от «гипостазирования» цели исторического развития²¹.

Ход рассуждений Лаппо-Данилевского о месте категорий ценности и оценки в истории привел к тому, что, в отличие от Риккерта, он уже не говорит о вневременной трансцендентной природе ценностей, трактуя такие ценности с субъективно-нормативных позиций. Декларируя абсолютный характер ценностей, русский мыслитель уже не заявлял о независимости их от человеческого сознания. Он говорил, что человек «почерпает» идею должного из собственного сознания и сам себе предъявляет нормы²². Ученый рассматривал цель как требование субъекта, а нормативную оценку как основу «наиболее ценных наших действий»²³.

Вместе с тем эти рассуждения привели Лаппо-Данилевского к выделению двух типов ценностного подхода в историческом исследовании – отнесению исторических фактов не только к обоснованной (или абсолютной), но и к общепризнанной ценности, что в известной степени преодолевало антиисторизм аксиологического учения Баденской школы: «Если бы историк даже располагал обоснованными ценностями, <...> он еще не мог бы достигнуть научного построения исторической деятельности <...> Историк, пользующийся обоснованными ценностями, должен, кроме того, выяснить, в какой мере они стали историческою действительностью, т.е. в какой мере они действительно признавались той общественной группой, которую он изучает». «Следовательно, – заключал он, – даже при обоснованности приписываемых им культурных ценностей, историк не может устраниваться и от отнесения изучаемых им фактов к

¹⁹ Там же. С.169, 282.

²⁰ *Лаппо-Данилевский*. 1909. С. 233.

²¹ *Лаппо-Данилевский*. 1910–1913. Вып. I. С. 283.

²² Там же. С. 169.

²³ Там же. С. 168.

общепризнанным ценностям: лишь с последней точки зрения он будет вправе говорить о реализации данных ценностей в действительности»²⁴.

Постановкой вопроса о необходимости отнесения исторических фактов к общепризнанным ценностям Лаппо-Данилевский пытался связать концепцию неокантианства с немецкой «философией жизни». Со ссылкой на В. Дильтея он писал: «Итак, отнесение к общепризнанной данной общественной группой ценности сводится прежде всего к психологическому анализу тех критериев оценки, которыми данное общество действительно руководилось или руководится для того, чтобы выяснить, какой из них оказывался общепризнанным или в большей или меньшей мере признанным <...> Словом, историк будет пользоваться найденным таким образом критерием для того, чтобы с точки зрения самого общества судить о значении фактов, его касающихся»²⁵.

Вместе с тем, стремясь преодолеть крайности субъективизма дильтеевского метода «понимания», Лаппо-Данилевский констатировал, что с отнесением к общепризнанным (относительным) ценностям «историческую работу нельзя <...> признать окончательной»²⁶. Настаивая на главенствующей роли отнесения к обоснованной ценности, он писал: «Следует заметить, однако, что историк не может ограничиться изучением одних общепризнанных ценностей <...> Без обоснования их такие ценности все же оказываются результатами субъективной оценки, только с тем различием, что она произведена целою группой, а не отдельною личностью; но коллективная оценка может быть гораздо более субъективной, чем личная: психический уровень массы часто бывает ниже среднего, особенно в области отвлеченной мысли; без обоснования их такие ценности, в сущности, становятся <...> психическими фактами; а для выбора из них историк все же будет нуждаться в критерии, на основании которого он мог бы признать их значение»²⁷.

При этом положение об отнесении исторических явлений к общепринятой ценности в методологических построениях Лаппо-Данилевского было связано и с фактическим признанием историком необходимости оценивать события прошлого с точки зрения внутренней логики их развития. А такое признание приводило его к выводу, что ценностный подход не единственный критерий выбора в истории: «Понятие об историческом значении индивидуального нельзя, однако, ограничивать понятием о его ценности; ведь понятие об общепризнанной

²⁴ Там же. С. 245.

²⁵ Там же. С. 247.

²⁶ Там же. С. 244-245.

²⁷ Там же. С. 247-248.

ценности уже находится в тесной связи с понятием о действительности индивидуального: историк интересуется вневременной ценностью в процессе ее реализации; а ценность тем полнее реализуется, чем более факт, в котором она воплотилась, имеет последствий»²⁸. Значение «собственно исторического факта» в глазах историка, по его мнению, получает лишь такой факт, которому он приписывает ценность, действительность, численность и длительность его последствий²⁹.

С точки зрения Лаппо-Данилевского, понятия о «ценности» индивидуальности и ее «историческом значении» представляют собой два разных понятия: всеобщее значение факта, говорил он, можно установить лишь на основании качественного критерия – признания всеми его важности, а историческое значение определяется с учетом количественного критерия – численности его последствий, повлиявших на развитие человечества³⁰. Так, личность, может иметь «очень большую ценность» и почти не иметь исторического значения и, напротив, не особенно сама по себе ценная личность при определенных обстоятельствах может получить сравнительно большое историческое значение; если в первом случае он ограничивался констатацией такой возможности, то применительно ко второму приводил характерный пример Робеспьера³¹. Лаппо-Данилевский критиковал представителей немецкого неокантианства за пренебрежение к различению между понятиями о «всеобщем значении» индивидуальности и ее «историческом значении»³². «Лишь комбинируя понятие о ценности и действительности индивидуального, – писал он, – историк получает основание признать за ним историческое значение; такое сочетание и служит ему в качестве критерия выбора исторических фактов»³³. Так Лаппо-Данилевский, в определенном смысле, преодолевал абстрактный подход к прошлому немецких неокантианцев, по сути дела, игнорировавших вопрос о зависимости человеческих ценностей от пространственно-временных координат истории, и продолжал отстаивать право исторической науки на исследование причинно-следственной обусловленности и взаимосвязанности исторического процесса³⁴.

Осознание же необходимости каузального анализа в историческом исследовании по существу означало признание включенности в арсенал

²⁸ Там же. С. 249.

²⁹ Там же. Вып. II. С. 325.

³⁰ Там же. Вып. I. С. 238.

³¹ Там же. С. 238, 252.

³² Там же. С. 288-289.

³³ Там же. С. 238-239.

³⁴ Там же. С. 254-255.

приемов освоения историком своего объекта методов общенаучного характера. «В логическом отношении, сознательно различая номотетическую точку зрения от идиографической, – отмечал Лаппо-Данилевский, – он [историк – С.Р.], конечно, не должен смешивать их, но в действительности он может соединить их в своей работе»³⁵.

Однако и генерализация, и поиск причинно-следственных связей играли в теории исторического познания Лаппо-Данилевского второстепенную роль. Так, допуская в построении историка «типологические», даже «номотетические» обобщения, он утверждал, что эти обобщения не составляют цели исторической науки³⁶. По его мнению, историк обращается к общим понятиям лишь «для индивидуализирующего понимания действительности»³⁷. А изучение каузальных связей в истории он подчинял базирующемуся на абсолютных нормах ценностному отношению к ней, поскольку именно отнесение к ценности, на его взгляд, «дает основание выбрать из многообразия действительности те факты, которые затем подлежат изучению с причинно-следственной точки зрения»³⁸.

Категория общего заменялась в теоретических построениях Лаппо-Данилевского понятием об историческом целом, к образованию которого, с его точки зрения, собственно и стремится идиографическое построение истории, приближаясь к пониманию конкретной действительности, а не удаляясь от нее, подобно номотетическому построению³⁹. Это понятие явилось резюмирующим в концепции мыслителя.

По Лаппо-Данилевскому, понятие об историческом значении индивидуального предполагает изучение исторической связи фактов с вызвавшими их причинами или порожденными ими следствиями и служит историком не только для упрощения, но и для объединения его представлений о прошлом: образуя понятие об исторической индивидуальности в отношении ее к историческому значению, отмечал он, историк достигает «обозримости» своих представлений о ее разрозненных чертах и устанавливает «те важнейшие центральные факты, с высоты которых он может усмотреть группы и ряды второстепенных фактов и разместить их вокруг главных»⁴⁰. Вместе с этим, объединяя представления историка о действительности, понятие об исторической связи между смежными фактами, по мнению методолога, позволяет осмыслить историю как

³⁵ Там же. С. 291.

³⁶ Там же. С. 226.

³⁷ Там же. С. 231.

³⁸ Там же. С. 254.

³⁹ Там же. С. 236-237.

⁴⁰ Там же. С. 237.

непрерывный процесс⁴¹. Таким образом, говорил он, историк образует понятие о целом, признавая, «что каждый отдельно взятый исторический объект входит в одно целое, вместе с другими такими же объектами, и что каждый из них тем самым определяется в своей индивидуальности как незаменимая часть целого»⁴².

Лаппо-Данилевский считал, что понятие о целом как некотором единстве многообразия неразрывно связано с понятием об индивидуальном, так как своеобразное целое является уже чем-то индивидуальным, а с исторической точки зрения единство такого целого существует лишь в данной индивидуальности; при этом он рассматривал целое в его отношении к своим индивидуальным частям, а не к другим целым⁴³. С его точки зрения, в качестве индивидуальности, как «единичное в своем роде целое», частями которого историк признает отдельные «исторические» народы, может рассматриваться все «культурное» человечество⁴⁴.

«Предельным» понятием о целом у Лаппо-Данилевского выступает понятие о «мировом целом», которое представлялось ему целостной действительностью, части которой можно, в свою очередь, называть относительными целыми⁴⁵. Историк же, по его словам, «сосредоточивает свое внимание лишь на той части мирового целого, которую мы называем человечеством, и преимущественно изучает ее в качестве относительного целого, выясняя, какое именно реальное значение каждая его часть имела или имеет в историческом процессе его образования»⁴⁶. С точки зрения исторического целого, которым для историка будет являться история человечества, он и может, по Лаппо-Данилевскому, установить историческое значение каждого отдельно взятого факта. «Вообще, – писал ученый, рассуждая об истории человечества, – историк прежде всего характеризует его некоторым реальным единством его состава: человечество состоит из индивидуальностей, способных сообща сознавать абсолютные ценности, что и может объединять всех; по мере объединения своего сознания человечество все более становится “великой индивидуальностью”; она стремится опознать систему абсолютных ценностей и осуществить ее в истории <...> Такое воздействие предполагает, однако, наличность цели, общей для всех по своему значению, существование общей воли и проявление объединяющей и организованной деятельности членов целого, соз-

⁴¹ Там же. С. 275-276.

⁴² Там же. С. 276-277.

⁴³ Там же. С. 277.

⁴⁴ Там же. С. 279.

⁴⁵ Там же. С. 277-278.

⁴⁶ Там же. С. 283-284.

дающих культуру человечества»⁴⁷. С такой точки зрения, по его мнению, историк и конструирует исторический процесс, в котором человечество приобретает все большее историческое значение благодаря постепенно возрастающему единству человеческого сознания⁴⁸.

Учение Лаппо-Данилевского об историческом целом в известной мере коррелировалось с разделяемыми им социально-политическими идеями. В условиях возрастания революционной борьбы концепция о возрастающем единстве человеческого сознания была созвучна призывам к единению и социальному миру и направлена против марксистской теории классовой борьбы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Кареев Н.И.* Историко-теоретические труды А.С. Лаппо-Данилевского // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6.
- Лаппо-Данилевский А.* Материалы для плана общеобразовательного курса по истории человечества // Памятная книжка Тенишевского училища в С.-Петербурге за 1900/1 учебный год. Год I-ый. СПб., 1902.
- Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. СПб., 1910–1913. Вып. I–II.
- Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории: лекции, читанные студентам С.-Петербургского Университета в 1908-9 академическом году / литогр. Богданова. СПб., 1909.
- Лаппо-Данилевский А.С.* Основные принципы социологической доктрины О. Конта // Проблемы идеализма. М., 1902.
- Лаппо-Данилевский А.С.* Речь перед магистерским диспутом по русской истории 9 мая 1890 г. // Историческое обозрение. СПб., 1890. Т. I. Отд. I.
- Романов Б.А.* А.С. Лаппо-Данилевский в Университете (Две речи) // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6.

Рамазанов Сергей Павлович, доктор исторических наук, профессор; зав. кафедрой истории, политических и правовых учений Волжского гуманитарного института (филиал Волгоградского государственного университета); ramasergej@gmail.com

⁴⁷ Там же. Вып. II. С. 333.

⁴⁸ Там же. С. 334.